

Наше телевидение становится все менее сюжетным и все более портретным, многоликим. Вводя в обращение множество новых политических лиц, постоянно их вопрошая о насущном и легко забывая ради новых, ТВ одновременно подтверждает и многолетнюю верность зрителей кумирам театра, эстрады, кино, поэзии. Так, в передаче «Много лет спустя» был найден удачный, хотя и довольно жесткий референс этой верности: песню, которую пел Булат Окуджава в октябре 1982 года, он продолжал в ноябре 1992-го — в изменившейся каденции, изменившийся сам, но все в той же

лени ведут на сцену!), она, как парашютист из самолета, выпрыгивает навстречу бездне зрительного зала — в дико модной коротенькой розовой юбчонке, с неизменной своей гривой роскошных волос, неоднократно изменявших цвет за истекшие годы, но сохранявших свою неизменную магическую силу.

Протягивая линию судьбы Пугачевой через ее шлягеры, попутно комментируя или опровергая существующие по ее поводу сплетни и мифы, «Портрет на фоне» коротенькими цитатами из песен (хорошо отобранными!) подтверждает свой тезис о ней как о певице

СОТРИ

СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ

Кульминация. — 1993. — 11 сентября
— С. 6.

атмосфере любви. Замечательно был соблюден в этой передаче «портретный принцип» как фон жизни Булата Окуджавы. Это, с одной стороны, целая стена фотографий у него дома — первые и постоянные его слушатели, а с другой — лица в зале во время концерта, которыми любуешься вместе с оператором.

Будь я причастна к делу, непременно отпечатала бы и подарила Поэту эти портреты — к уже имеющимся на стене в квартире, ибо все в этих лицах отмечено причастностью к его творчеству, все отзывается на песню, отражает ее свет, держит ее ноту.

Если портрет Окуджавы был заявлен как намеренно незавершенный, как серия эскизов, то цикл передач «Портрет на фоне» (ведущий и автор Леонид Парфенов), напротив, стремится закрепить, сформулировать, вписать в контекст свою живую и звездную натуру (мне удалось посмотреть только Аллу Пугачеву и Бориса Гребенщикова).

На мой взгляд, вполне удался портрет Пугачевой. Во многом потому, что найдена была верная интонация.

Огромная роль в этом принадлежит Артему Троицкому как эксперту и личному другу «звезды», на правах которого он позволяет себе выступать в качестве оппонента — с точными наблюдениями и характеристиками.

При этом трезвый взгляд оппонента направлен вовсе не на развенчание кумира, а на завоевание доверия, служит поискам объема и парадокса.

В сравнительно небольшой передаче удалось показать восхождение певицы из толпы на Олимп, от нетопленных тряских автобусов и гостиничных крыс первых гастролей — к литературному поезду и бывшим обкомовским дачам на свежем воздухе. Через бесконечные коридоры закулисья. Эти коридоры — постоянный образ передачи. Они убоги, казенны, но они ведут на большую сцену, и по-настоящему волнует момент, когда, отцепившись от руки провожатого (крутые сту-

женской судьбы. Из ряда предшественниц на этом поприще — Марины Ладыниной, Людмилы Зыкиной, Нины Сазоновой — Пугачева выбивается тем, что ее героиня состоит со своей судьбой в более коротких и в более волевых отношениях. Как и со своими мужчинами. «Пригласите, пригласите... Я в восьмом ряду, меня узнайте...». Но когда пригласили и когда узнали, она точно ставит диагноз своему милому («Потерял себя ты, потерял») и, протанцевав с нижегородским красавцем губернатором один лишь тур, легко вызывает следующего партнера...

Личная жизнь «звезды» — сладкая пища репортера и широкое достояние поклонников. В передаче ей отведено довольно много места, но не ради «клубнички», а скорее для полноты исследования «объекта». Ибо в беседе «о самом сокровенном» особенно проявляются обезоруживающая искренность Пугачевой, самоирония умного и гордого человека.

Не только мастерство авторов передачи, но прежде всего мощная энергетика Пугачевой держит внимание зрителей и крепит незыблемость имиджа. И, напротив, в портрете Бориса Гребенщикова авторам не хватило мастерства, чтобы восполнить дефицит этой энергетике у своего героя, взбодрить его милую вялость. Гребенщиков в передаче выглядит осевшим, как мартовский снег, вросшим в ситуацию, блонравным исследователем собственного прошлого. Разумеется, мы любим его и таким, но все же больше таким, каким узнали его не из передачи, а раньше, из других встреч, с другой подачи. Того же Сергея Соловьева, например, во время презентаций его фильмов.

Наверное, дело и в композиции: сюжеты были обращены в прошлое. Это была скорее биография, чем портрет, а если и портрет, то со смутными, смазанными, неуловленными, случайными чертами.

И. МЯГКОВА.